Россия была просто обязана вступить в конкуренцию на условиях ВТО

О том, что мешает развиваться российскому сельскому хозяйству, и об опыте поддержки АПК на Западе рассказывает заместитель председателя Сибирского отделения Россельхозакадемии Виктор Гергерт

ВТО. Время новых подходов

– Виктор Александрович, хотелось бы узнать ваше мнение о неизбежных грядущих переменах в отечественном аграрном секторе. В связи с тем, что Россия вступила в ВТО, повысятся требования к качеству сельскохозяйственной продукции, обеспечению ее конкурентоспособности на мировом рынке. Все ли наши сельхозпроизводители сегодня готовы к этому?

– Всемирная торговая организация объединяет 156 стран, а нас в ней не было. Это как же так?! Весь мир работает по определенным правилам, претендует на какую-то единую систему хозяйственной деятельности. А такая страна, как Россия, занимающая одну шестую часть суши, имеющая серьезные амбиции, богатый исторический опыт, – и не интегрирована в мировое хозяйство. Это неправильно. Это приводит к очень серьезным последствиям, к какой-то изоляции, какому-то застою. Что я имею в виду? Например, мы до сих пор определяем качество зерна по клейковине, хотя весь мир уже ушел от этого. Имеется современная техника, приборы для определения количества белка, других составляющих. А у нас по-прежнему нет современных регламентов, законов. Мы живем по другим правилам, что конечно же неправильно.

Я свидетель того, как в последние десять лет наше правительство вело переговоры с мировым сообществом о вступлении России в ВТО. В Министерстве сельского хозяйства мы тоже часто обсуждали эти проблемы. Я помню, какие это были бои. Каждая страна, вступая в ВТО, выторговывает свои, особые условия, учитывая свои географические, экономические, социальные особенности. И Россия в этом смысле не исключение. Это было довольно жесткое перетягивание каната, продолжавшееся десять лет. Нас пытались, как говорится, опустить ниже плинтуса, а мы пытались взлететь

выше облаков. И то, что в результате достигнуто – достигнуто благодаря настойчивости и высокому профессионализму тех людей, которые занимались этими вопросами.

Да, может быть, мы хотели еще лучших условий для нашей страны. Но я знаю, что мы имеем результат честной борьбы. И нисколько не драматизирую ситуацию с вхождением нашей страны в ВТО, хотя эта тема не очень популярна и вызывала различные дискуссии. Иногда раздавались мнения, что вступление страны в ВТО приведет к краху сельского хозяйства. Да, будет тяжело переходить на новые стандарты. Но мы обязаны это сделать. Мы не можем стоять в стороне. Мы обязаны вступить в эту непростую конкуренцию. И в этой конкуренции – выжить. Я знаю примеры, когда говорили: давайте еще на пять лет отложим это. А через пять лет ничего не изменилось, потому что в новые условия никто не ставил. Как только мы становимся в эти условия – сразу виден результат.

– В том числе и в сельском хозяйстве?

– Конечно. Возьмем пример с комбайном «Акрос». Такой комбайн был бы просто невиданным для Советского Союза. Как было раньше? Вся сельхозтехника шла по разнарядке. В то время я был руководителем хозяйства, и мне звонили из района и говорили: «Виктор Александрович, возьми два зерновых комбайна!» Я отвечаю: «Мне не нужны комбайны!» «Как не нужны?! Ты знаешь, тут на территории «Сельхозтехники» их скопилось... Тебе по разнарядке – два». – «Повторяю: мне они не нужны». – «Что ты умничаешь?! Направляю тебе их». То есть технику в хозяйства просто впихивали. Далеко не лучшего качества. Завод изготовил

эту технику, и ее надо продать. А за нее же деньги платить надо, это же экономика. И в этих условиях, скажите, какой стимул был у завода делать лучше, качественнее эти комбайны?! Какие сделал, такие и продадут. Причем комбайн приходил частенько «разукомплектованный» – термос украли, стекло разбито.

В советское время для народного хозяйства у нас выпускали более 100 тысяч комбайнов в год. В прошлом году на «Ростсельмаше» выпустили около 7,5 тысячи. Но это уже совершенно иные комбайны. Завод был поставлен в очень жесткие условия, когда из-за рубежа хлынули «Доминаторы», «Джоны Диры». Наши комбайны стали никому не нужны. И стоял вопрос: либо делай современный, отвечающий всем требованиям комбайн, либо умри! Так и появился новый чудесный комбайн. Но появился-то он в результате конкуренции! И только конкуренция сможет поднять качество, урегулировать соотношение уровня качества и цены продукции. Поэтому то, что мы попали в конкурентную среду, хорошо. Это подстегнет нас и заставит конкурировать на рынке – в современных, благоприятных для конкуренции условиях.

Кстати, мы нередко производим продукцию, качество которой сами до конца не оцениваем. Так, в далеком уже 2003 году, чтобы реализовать огромное количество зерна, которое получили в Новосибирской области (цена упала, рынков нет), мы пригласили к нам, в Сибирское отделение Россельхозакадемии, представителя фирмы Cargill. Это известная американская компания, самый крупный трейдер на рынке зерна. Представитель сидел, пил кофе, курил сигареты, а про себя, наверное, думал: да что здесь может быть – в условиях вечной мерзлоты?! А я ему говорил: не торопись с выводами, вот тебе десять мешочков с зерном, посмотри, потом скажешь. Он увез это зерно. В Женеве есть современная, хорошо оснащенная лаборатория. Это зерно в ней проверили по 120 элементам. И оттуда пошли телеграммы – готовы купить хоть сто, хоть миллион тонн вашего зерна! Качество нашего белка исключительное! Не канадское, не австралийское, а наше, особое, сибирское. Алтайское, новосибирское, омское зерно по качеству белка просто не имеет конкуренции! А мы этого и не знали. Мы не умеем наше зерно продавать. Не можем заявить о себе в этой гонке. И эту возможность сейчас нам дает ВТО. Много есть и других аспектов, когда нам следует научиться оценивать качество своей продукции и продавать ее на рынке с учетом наших интересов. Интегрирование в мировую систему позволит нам это сделать. Я глубоко убежден в этом. Да, будет непросто. Иногда – больно, с некоторыми потерями, с серьезными изменениями нашего сознания. Но это процесс необходимый.

Алтайское, новосибирское, омское зерно по качеству белка просто не имеет конкуренции! А мы этого и не знали. Мы не умеем наше зерно продавать. Не можем заявить о себе в этой гонке. И эту возможность сейчас нам дает ВТО.

Аграрная политика на Западе

– Виктор Александрович, чем, на ваш взгляд, отличается аграрная политика стран Запада от российской?

– Первое принципиальное отличие аграрной политики Германии, других стран ЕС, Америки состоит в том, что она формировалась постепенно, правильно. Сначала там появились фермеры. Потом они объединялись, стали создавать совместные производства, ассоциации. Все это вырастало в целые комплексы – снизу вверх. У нас же – с этим никто не будет спорить – все шло революционно. Идеи «придумывали» сверху. Это и столыпинская реформа, и другие. Но не понятое, не принятое внизу не имеет перспективы реализации. И столыпинская реформа кончилась крахом – Столыпина просто застрелили. В колхозах, которые насильно навязывали народу – через голод, через что угодно, – тоже все шло наоборот.

А в западных странах все шло снизу. И это было более надежно, более жизнеспособно. В Америке два фермера объединились, создали завод, и они – его собственники. Сами выстраивают экономику, справедливо делят прибыль. Там же, где государство активно вмешивается во все процессы, там риск, что экономика обвалится (после переворотов, революций), очень велик.

У нас все идет по-другому. Крестьяне не являются собственниками ни молкомбината, ни мясокомбината. У нас очень мало производств, которые сформировались на основе интеграции, кооперации. И если появляется такая идея, которая родилась внизу и пробилась наверх, власть ее должна увидеть и поддержать. И если наша Новосибирская область поддержит идею искитимских фермеров, в частности Галины Синицыной, которая формирует какие-то кооперативы – финансовые, производственные, потребительские, – то это может вырасти в большое продуктивное дело.

Второе отличие – это природно-климатические условия. К примеру, Канаду достаточно часто сравнивают с Россией, считая эти страны близкими по природно-климатическим условиям. Однако подобное сравнение, мягко го-

У нас то капитализм, то социализм, то опять капитализм. Это больно бьет по крестьянам. Скажу образно. Вот играет команда в футбол, и действуют одни правила. И вдруг судья говорит: теперь играем в баскетбол. Но там надо играть руками, а не ногами, а этому никто не учился. Вот так случилось и у нас: вчера был спекулянт, сегодня – коммерсант.

воря, некорректно. Ведь большая часть площадей, на которых канадцы выращивают продукцию растениеводства, располагается полосой глубиной 500 км вдоль границы США. А если провести параллели, то оказывается, что речь идет о канадской климатической зоне на уровне Киева. А там, как известно, воткни в землю оглоблю – и вырастет фруктовое дерево. В Сибири же, где почти семь месяцев зима и среднегодовая температура минус 5–6 градусов, в отличие от Европы, условия далеко не столь благоприятные. И это очень серьезный фактор. Норма выпадения осадков в Кулундинской зоне Новосибирской области 220–240 миллиметров. Я помню, как-то к нам приехала делегация из Крыма, и один из ее членов спросил: какая у вас норма выпадения осадков? Мы назвали. Он не поверил: да это же норма зоны пустыни! В таких условиях заниматься сельским хозяйством невозможно! А мы-то всю жизнь им занимаемся и стараемся поднимать показатели агропромышленного комплекса – как удельные, так и валовые.

И третье – частота изменений векторов развития. У нас то капитализм, то социализм, то опять капитализм. Это больно бьет по крестьянам. Скажу образно. Вот играет команда в футбол, и действуют одни правила. И вдруг судья говорит: теперь играем в баскетбол. Но там надо играть руками, а не ногами, а этому никто не учился. Вот так случилось и у нас: вчера был спекулянт, сегодня – коммерсант. Сегодня – рынок и совсем другие правила. Люди – те же, страна – та же, а правила другие. Частое изменение векторов развития накладывает свой отпечаток на положение дел в АПК, на аграрную политику. Порождает какое-то брожение в обществе – то начинают улицы переименовывать, то целые города, то памятники сносить, то Александру III у нас ставят памятник. Такой разброд мешает развитию. А посмотрите на Германию – там бог знает с каких времен стоит памятник бременским музыкантам. И никто его не собирается сносить! Там бережно относятся к истории, к традициям. А у нас этого нет, и в голове делается каша. Тогда мы и точную стратегию не можем выстроить.

– На Западе и менталитет, и сельский уклад жизни совсем другой!

– Да, там несколько иная модель социальной структуры села. Американская ферма не предполагает, что возле нее будет школа, бассейн, спортивная площадка. Но тем не менее все это для фермера очень доступно. Потому что недалеко расположены села, где создана развитая инфраструктура. И если фермер захочет отдохнуть, то по хорошей дороге доедет до этих объектов – завезет ребенка в школу, пообедает в ресторане, позанимается любимыми видами спорта. И фермер знает, что если он занимается скотоводством, то у него гарантированно купят продукцию, заплатят неплохие деньги, чтобы создать условия для эффективного производства. Хорошая дорога, устойчивая связь, доступность всех коммунальных, культурных, образовательных услуг – вот и все, что человеку нужно.

Несчастный пасынок или любимый сын правительства?

– Западный мир, выстраивая векторы развития, считает основным содержанием аграрной политики государственную поддержку аграрного сектора посредством разного рода субсидий, дотаций и льгот. В некоторых развитых странах, по оценкам экспертов, государственные финансовые вложения в сельское хозяйство в полтора-два раза превышают стоимость его продукции. Почему у нас этого нет? Потому что мы бедные? К тому же аграриев постоянно упрекают: вам сколько ни дай, все мало!

– У Пола Энтони Самуэльсона, видного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии, есть такое образное выражение: «Сельское хозяйство – это, возможно, несчастный пасынок природы, но в то же время оно часто является любимым приемным сыном правительства». Государственная поддержка сельского хозяйства в ряде стран Запада сыграла основную роль в резком увеличении производства продовольствия, продуктов питания. И сегодня США, Канада, страны ЕС являются крупнейшими их экспортерами.

Как можно говорить о бедности экономики России, когда она является страной, имеющей колоссальные запасы нефти и экспортирующей ее в разные концы мира! Я считаю, что такое отношение идет от непонимания важности этих проблем. У нас же все СМИ в одно время заполонили материалы о Pussy Riot, а о важных темах – молчок. Разве засуха этого года не была убийственной для сельского хозяйства?! Почему-то у нас исчезает чувство настоящего, истинного патриотизма.

От фермерских хозяйств – к индустриальным агрокомплексам

Мы не умеем управлять процессами. А их регулировать надо, если хочешь позитивного развития. Мы свою аграрную программу назвали: программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков продовольствия и сбыта продукции – а регулировать-то не умеем!

– К мерам государственного регулирования АПК отношение двоякое. Одни считают, что все отрегулирует рынок, другие – что нужны действенные механизмы государственного регулирования АПК. К примеру, ценовое вмешательство на рынке продовольствия посредством поддержки внутренних цен на сельскохозяйственную продукцию, установления квот, тарифов, налогов на экспорт и импорт продовольствия. Во время работы на посту вице-губернатора, курируя вопросы развития сельского хозяйства, вы ездили за рубеж и изучали опыт Америки, стран ЕС. Что полезного вы увидели там?

– Территория Новосибирской области немножко меньше, но сопоставима с территорией Германии, где живут 86 миллионов человек. С каждого по рублю налогов – это 86 миллионов рублей! Ну, или евро! Там каждый клочочек земли огорожен, благоустроен. Когда же едешь по территории Новосибирской области – день, два, три, – то видишь столько пустующих земель, столько километров тайги нехоженой! Попробуй такие территории обустрой, попробуй сделать, как они! Земля в Германии – объективная природная, историческая ценность, отношение к которой сформировалось на генетическом уровне. Это главное отличие нашей ментальности, нашего отношения к земле от западной модели. А ведь отношение к земле определяет уровень цивилизованности общества.

Еще в 1955 году переговоры Союза фермеров Германии с правительством привели к принятию закона о сельском хозяйстве, в котором закреплены основы аграрной политики. Это долгосрочные гарантии высоких закупочных цен на сельскохозяйственные продукты. Это льготные кредиты, программа сельскохозяйственного кредитования для поддержки инвестиционных мероприятий по улучшению условий жизни, качества продукции и другие меры. На поддержку со стороны государства могут рассчитывать фермеры, которые более половины своего рабочего времени посвящают работе в сельском хозяйстве.

Или вернемся к опыту Канады, которая использует большинство принятых в мировой практике методов поддержки сельского хозяйства. К примеру, систему поддержки и стабилизации рыночных цен; систему прямых платежей; систему бесплатного консультирования и обслуживания отрасли – через службу внедрения, фитосанитарный и ветеринарный контроль, контроль качества продукции. Так, прямые платежи осуществляются в виде закупочных цен, установленных государственной корпорацией – Канадской молочной комиссией. Другим источником прямых выплат являются многочисленные программы поддержки фермеров, важнейшие из которых – «Счет стабилизации чистого дохода фермеров (NISA)» и «Программы страхования урожая», благодаря которым фермеры в случае природных или экономических катаклизмов получают миллиарды долларов! Как говорится, почувствуйте разницу!

Кроме того, в Канаде существует программа поддержки торговли продовольственными товарами (Agri-Food Trade Program). Участниками данной программы являются сельхозпроизводители, переработчики и экспортеры продовольствия. Средства направляются на решение таких задач, как улучшение доступа на рынки, их развитие и поощрение инвестиций.

– Западная экономика значительно старше российской. Мы только начинаем осваивать рыночные механизмы.

– Безусловно. Там уже в XII веке учредили Сорбоннский университет, а у нас только в 1861 году отменили крепостное право. У нас было татаро-монгольское иго, Смутное время, революция. А Запад развивался, шел вперед, поэтому они и старше, и мудрее. Мы, как любой молодой организм, меньше ценим то богатство, которое имеем. Мы плохо относимся к воспроизводству людских ресурсов. Вот первая волна эмиграции. Потом репрессии. Потом война, унесшая не самых худших людей. Потом вторая волна эмиграции, «утечка мозгов». Мы не ценим свои богатства. Япония, которая меньше Новосибирской области, научилась экономить, считать каждую щепочку, а мы бульдозерами горбыль сталкиваем в болота, потому что богатые, потому что у нас большие территории. Мы не умеем управлять процессами. А их регулировать надо, если хочешь позитивного развития. Мы свою аграрную программу назвали: программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков продовольствия и сбыта продукции – а регулировать-то не умеем! Нет ни механизмов, ни принципов, ни приемов. Этому всему надо учиться. Рынок нужно формировать и регулировать.

Западная модель сельского хозяйства многоотраслевая. В ней сильны и рыночные отношения, и государственное регулирование. Там ведется оптимальное зонирование территорий, на которых и апельсины выращивают, и лучший в мире скот, и лучшее в мире молоко производят. Мне удалось побывать на фермах, на перерабатывающих заводах, расположенных на севере США. Там много схожего с нашим сельским хозяйством – такие же поля, такие же посадки деревьев вокруг. Разве что климат помягче, хотя и морозец, и снежок бывают. Мы были на мясокомбинате, на сырзаводе, разговаривали с фермерами. Но весь аграрный комплекс США базируется сегодня уже не на фермерах. В сельском хозяйстве там крупные индустриальные образования – от откормочных площадок до перерабатывающих комбинатов. На откормплощадке, где мы были, находится до 90 тысяч животных! Мы тоже начинаем строить крупные животноводческие комплексы. Тот проект, который реализуется сейчас в Искитимском районе, рассчитан на 1800 голов. А там – 90 тысяч! Я тринадцать лет работал с агропромышленным комплексом, и всегда у нас производство мяса было убыточным, потому что специализированного производства просто нет. Сейчас в нашей области планируется создание подобных площадок, которые могут стать школой передового мирового опыта. И это уже большой шаг вперед.

В Германии фермерство – тоже уже вчерашний день. Там все сельскохозяйственное производство тоже концентрируется в крупных, индустриально оснащенных комплексах. А фермерство становится больше похожим на хобби – завести свою конеферму, чтоб на лошадях поездить, и тому подобное.

А фермеры, которые еще остались, все больше кооперируются. Они не покупают дорогие комбайны для своих 50 гектаров площадей, а берут их в аренду на ближайшей машинно-тракторной станции. Там все по-другому устроено, потому что другая история, другие традиции.

Беседу вела
Александра ПОПОВА